



Даже если ты украинец,  
но работаешь в России — жди неприятностей.

# «Будем вас с поезда»

Ближайший к российской границе украинский мегаполис Харьков, бывший столицей Украины на заре Советского государства, то есть с 1919 по 1934 год, всегда отличался особой гостеприимностью и самой толерантной толерантностью. Многие харьковчане имеют родственников на российской стороне — в Белгороде, до которого рукой подать (всего 80 км) и куда можно добраться за час с лишним, учитывая таможенные барьеры. Ну и белгородцы катились в Харьков по этой же причине чуть ли не каждые выходные, оправдывая дорогу тем, что везли домой более дешевые продукты и технику. Но с тех пор, как новые киевские власти запретили въезд в «незалежную» не только российским журналистам, но и вообще мужчинам в трудоспособном возрасте — от 16 до 60 лет, поток россиян, пересекающих украинскую границу, резко сократился.

Правда, сарафанное радио пугало, что не только мужской пол, но и женский чем-то провинился перед Украиной, поэтому российских женщин тоже не пускают в жовто-блакитную страну. И корреспондент «Ечёрки» на собственном опыте проверила, можно ли пересечь украинскую границу без какого-либо ущерба для себя.

## ТАМОЖНЯ ШЕРСТИТ ВСЕХ

Зная, как придирчиво осматривают российских журналистов, я оставила дома все, что могло хоть как-то свидетельствовать о принадлежности к профессии, — редакционное удостоверение, аккредитационные карточки, диктофоны, фотоаппарат, визитки, даже фирменные блокнот, футболку и ручку с надписью «Вечерний Петербург».

Выстояв в очереди на Московском вокзале часа три (давно такого ажиотажа не припомню!), я наконец-то взяла билет в Харьков, правда, не на нужное число, и все удивлялась той армии пассажиров, которая едет на Украину. Кстати, никакого предупреждения о том, что в «незалежную» не пропускают российских граждан, я не получила — кассирша, не спрашивая меня, выписала вместе с билетом страховку за 150 рэ, и я отправилась в путь.

Поезд №7 шел до Севастополя. Вагон был забит теми, кто торопился застать остаток майских праздников на Украине, — как потом выяснилось, в основном это были харьковчане. Опущу подробности езды на «семерке», приведу только слова проводницы Татьяны: «Так что же вы хотите? Поезду уже 12 лет, а по украинским правилам состав списывают, когда ему исполнится 15, вот мы и ездим».

Я присматривалась к пассажирам — были семьи с детьми, немало и молодых мужчин крепкого телосложения, но понять по их славянским лицам, кто обладатель российского, а кто украинского паспорта, было непросто, пока они не начинали говорить: акцент не давал возможности ошибиться.

«Странно, говорят, российских мужчин на Украину не пускают, а тут их вон сколько», — в раздумьях обратилась я к проводнице. «А чего тут удивляться? — откликнулась Татьяна. — Вас здесь только двое россиянок да один ребенок, все — остальные украинцы». — «А кого-то ссаживают с поезда?» — продолжаю интересоваться. «Конечно, — изумленно посмотрела на меня женщина. — Белгород проходим нормально, а вот в Казачьей Лопани украинская таможня всех шерстит — особенно тех парубков, которые

у нас не то что оружия не было, оно было, но старое, несовременное, кормили плохо, а спать приходилось на обделенной земле. После этого меня и других ребят в госпиталь отправили — воспаление легких оказалось».

Остальной народ в вагоне подобрался молчаливый — никто не обсуждал события в Славянске, не вспоминал одесскую бойню, люди сидели, уткнувшись в свои мобильные, или спали. Так проехали Белгород и подобрались к Казачьей Лопани.

## «ОТБЛАГОДАРИТЕ МЕНЯ»

«Всем приготовить паспорта», — объявили бравые украинские парни в форме. И пошли по вагону. Работяга Сергей сжался, показал свою иммиграционную карточку, а на требование показать карманы вывернул их, демонстрируя, что у него там только пять сотен рублей с мелочью. «Куда едешь?» — спросил его пограничник. «В Сумскую область», — нехотя ответил па-

меня есть выписка из истории болезни» — «А обратный билет?» — прервал меня парень в форме. «Есть, но мне его купили в Харькове — вот трубка, можете позвонить, спросить», — сказала я и почувствовала, что звучит это как-то неубедительно, хотя и была чистая правда.

На некоторое время меня оставили в покое, а потом отвели в тамбур. «Помимо приглашения у вас должен быть с собой обратный билет, справка о болезни родственника и документ о финансовом обеспечении — наличные деньги из расчета тысяча гривен в сутки или выписка с банковской карты, что нужная сумма находится у вас на счету, — просвещал меня офицер. — У вас ничего этого нет, значит, будем вас высаживать с поезда». — «На каком основании?» — вскипела я. — В Петербурге, когда я брала билет, меня никто об этом не предупредил, на украинских сайтах тоже нет такой информации, а на днях у меня сестра из Москвы в Харьков ехала, и ваши коллеги ее спокойно пропу-

Путь через Украину грозит  
неприятными приключениями.



работают в России. В прошлый рейс с каждого такого работяги, который ехал домой с деньгами, слупили по пять тысяч рублей».

Мой сосед по купе Сергей из Сумской области, работающий на строительстве коттеджей в Петербурге, услышав эти речи, стал нервно тормошить свою сумку, соображая, куда бы подальше засунуть наличку. «Жаль, не успел перевести деньги на карту, — поделился он. — Теперь боюсь, меня штрафанут — придерутся к чему-нибудь...»

Парень попался словоохотливый, рассказал, как жил, как служил в украинской армии, — он демобилизовался год назад. «Если посчитать, сколько я там пробыл, то выходит всего семь месяцев, включая учебку, — продолжал Сергей. — Служить мне пришлось во Львовской области, и знаете, что я вам скажу: украинская армия небоеспособна, она не может воевать.

«А сколько туда стоит билет от Харькова?» — почему-то поинтересовался украинский таможенник. «80 гривен — я уже заказал билет на маршрутку», — стал оправдываться Сергей. И тут стало ясно, почему его об этом спросили. «Давай сюда 200 рублей, — протянул руку сотрудник погранично-таможенного наряда. — Это точно все, что у тебя есть? А то потом вернуться и проверю твою сумку, и если найду там деньги, то оштрафую». Бедного Сергея аж перекошило.

Тем временем ко мне подошел пограничник, который, увидев российский паспорт, как-то, я бы сказала, очень нехорошо обрадовался. «К кому едете? С какой целью?» — произнес он дежурную фразу. Я принялась объяснять, что еду навестить заболевшую мать, родственников, но, не дослушав меня, он бросил фразу: «А у вас есть от матери нотариально заверенное приглашение?» — «Нет, — говорю, — но у

стили, даже улыбались, желая хорошего пути, и никаких документов, кроме паспорта, не спрашивали». Но мои аргументы на него не действовали.

«Вы что, не следите за новостями? Не знаете, что вчера три россиянки подорвали блокпост в Славянске и теперь мы всех проверяем?» Конечно, это была чистая деза, но спорить с представителями власти было бесполезно — могли и вправду снять с поезда. «Чего вы хотите? Чтобы вам заплатили?» — не выдержала я. «Я вам просто объясняю, что у вас нет необходимых документов и что мы можем снять вас с поезда». Я привожу последний аргумент: открываю свой паспорт на третьей странице, где указано место рождения. «Видите, здесь написано, что я родилась в Харькове. Поэтому ни в какой Донецк я не собираюсь». — «Откуда я знаю, что вы из Харькова в Славянск не поедете?» — «Вы что, меня за революционерку